

„POSSEV“
 Sozialpolitische Rundschau in russischer Sprache. Deutschland, US-Zone
 Social and Political Review in Russian Language. Germany, US-Zone
 Hebdomadaire Social et Politique en langue russe. Allemagne, US-Zone
 Издательство «Посев»
 Управление, редакция и отдел объявлений: Limburg/Lahn,
 Verlag „Possev“. Филиал редакции: Mönchhof bei Kassel,
 IRO-Lager, „Possev“. Отдел подписки и распространения:
 Frankfurt-Fechenheim, Am Rüttschloß 19, Verlag „Possev“.
 Выходит по воскресеньям. Цена отдельного номера 2 марки.

Еженедельник общественной и политической мысли

IV ГОД

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 14 МАРТА 1948 ГОДА

№ 11 (94)

О РЕВОЛЮЦИИ

Формально, во всемирно-историческом разрезе, Февраль — одна из последних в серии либеральных революций, потрясших мир в течение последних 150 лет и создавших эру современных демократий.

Однако, этим смысл февральской революции не только не раскрывается, но даже искажается, ибо за ней пришел Октябрь, на тридцать лет сковавший нашу страну в тисках жесточайшей диктатуры, — Октябрь, обращенный своим воинствующим и агрессивным острием против той демократии, которая, казалось бы, его породила. В этом парадоксе заключается вся трагедия Февраля, расчленившего нашу историю на две неравные, но импозантные части: дофевральской Императорской России и послефевральского СССР.

Между этими двумя колоссами — призрачная, эфемерная, демократическая республика мимолетного Временного Правительства. Казалось бы — исторический уродец, погибший насильственной смертью, едва появившись на свет.

Верен ли такой взгляд?

Он защищается двумя течениями исторической мысли. Так смотрят на февральскую революцию те, кто, справедливо видя в Императорской России эпоху нашего наивысшего национального расцвета, находят возможным возвращение России на испытанные исторические пути. Для них февральская революция — случайный угар, после которого наступило кровавое большевистское похмелье, Божье наказание за грех отступничества. Так смотрят на февральскую революцию и большевики. Для них она досадная, хотя и закономерная временная заминка, буржуазное междоиметие исторического процесса, трамплин и преддверие Октября — революции подлинной, ибо пролетарской, и по замыслу — всемирной.

Для одних Февраль — лишь точка, завершающая сказочную быль прошлого. Для других та же точка, но исходная — в светлый мир коммунистического будущего. В обоих случаях Октябрь, — проклинаемый и ненавидимый, или поивствуемый и благословенный, — полностью затмевает самостоятельное значение Февраля. Оно скрыто от их взоров ослепительным блеском царскосельских парадов или сиянием пятиконечных звезд на башнях Кремля.

Для восстановления правильной исторической перспективы мы должны отделаться от этого навязчивого, хотя и естественного оптического обмана.

С восстания декабристов Россия живет мыслью о Революции. Это — центральная тема XIX и начала XX веков. Все фигуры не только на политическом и общественном, но и на культурном горизонте России таскуются, взвешиваются, взаимно отталкиваются или притягиваются, в зависимости от их отношения к революции: за или против нее.

Пушкин и Достоевский, два наших крупнейших гения, отразили в своей творческой судьбе духовный путь всей русской интеллигенции, от разрушительного негодования и протеста Чаадаева до идейного преодоления грядущего большевизма литературно-философской группой «Вех». Тема о революции живет не только в кругах интеллигенции, в кругах разночинной части среднего сословия, живет она и в правящем слое высшей бюрократии. Аракчеев и Лорис-Меликов, Победоносцев и Витте — разве не являются эти имена символами отношения к революции, показателями постоянных колебаний и противоречий правящей верхушки в этом центральном вопросе? Не чужд этим колебаниям и Престол — от грез юного Александра I до слов Николая II о «бесплодных мечтаниях».

Правда, эти «бесплодные мечтания» мучили, главным образом, лишь поверхностный слой нашего народа. Сам народ, огромная масса крестьянства с небольшой рабочей прослойкой, дышал иным, — жаждой мирной жизни и мирного труда на своей земле. Далекий и чуждый политическим интересам, искусственно отгораживаемый от них, он не являлся, по существу, ни опорой власти, ни резервуаром революционных сил. Ни народники, ни социалисты, ни, тем более, большевики, несмотря на всю их словесную обращенность к народу, несмотря на их выступления «от имени народа», не имели в нем реальных корней. Народ — безмолвный и равнодушный — был лишь немой свидетелем, объектом, жертвой событий, разыгравшихся в феврале и октябре.

Царский режим пал, разъяренный столетним революционным брожением в среде российской интеллигенции. Власть, неожиданно по времени, но закономерно по существу, перешла в руки восторженной и неопытной российской либерально-демократической общественности. Когда большевики, пообещав народу мир и землю, обеспечили себе его дальнейшее невмешательство и прикрикнули на Временное Правительство, оно без сдало свои позиции. Круг замкнулся. Временное Правительство защищали женский батальон и группа юнкеров, против них выступала кучка кронштадских матросов, да случайных рабочих и солдат. Народ продолжал молчать.

И, тем не менее, мы только февральскую революцию можем по замыслу назвать народной, хотя тогда, во время своего свершения, она и не была таковой. Можем назвать ее народной потому, что сейчас, ретроспективно, после ужасов всего пережитого с Октября не интеллигенцией только, а всем народом — лозунги и идеи февральской революции стали близки и понятны каждому россиянину.

Речь идет не только о лозунгах свободы и демократии, — февральская революция включает в себя потенциально и то, на чем большевики обманно сыграли в Ок-

Сегодня в номере:

- В. ВАСИЛЬЕВ**
 О революции (стр. 1)
РАЙМОНД КАРТЬЕ
 Тайны войны (стр. 2)
Н. ГРОМОВ
 Доктрина косвенной агрессии (стр. 2)
А. НИКОЛИН
 В поисках нового строя (стр. 6)
А. МЕРЦАЛОВ
 О выгодах советского потребителя от повышения цен (стр. 7)
А. БЕРНОВ
 Перед судом истории (стр. 8)
Л. АНДРЕЕВА
 Пути эмигрантскими (стр. 10)
С. ЛЕВИЦКИЙ
 Философия горделивого отчаяния (стр. 11)

тябре: мирный труд на своей земле, идея построения социально-справедливого порядка и свободного служения высшим общечеловеческим ценностям. Все это — неразрывный комплекс, по праву принадлежащий Февралю, завершающему революционные чаяния XIX века. Но эта неразрывная связь также стала понятной нам только сейчас, когда мы воочию увидели, как либерально-демократическая форма, лишенная своего социально-экономического и этического содержания, быстро и легко рушится под ударами тоталитаризма, будь то красного, будь то коричневого.

Итак, февральская революция, как кратковременный исторический эпизод (и, может быть, именно в силу этой кратковременности!) была лишена двух важнейших элементов: она не была народной, не была она и идейно целостной. Расщепленная, раздвоенная, без опоры в народной толще, она уступила Октябрю часть своего необходимого содержания и потому была сметена демагогической, волей незначительнейшего меньшинства.

Но как идеал и задание, как то, что рисовалось в умах и душах русских людей от юного Александра I до Столыпина и от Герцена до Вл. Соловьева — февральская революция была народной и целостной. Намечались разные пути ее осуществления: от дарования свободы монаршей волей и постепенных государственных реформ до беспощадного бунта и духовного преобразования. Все эти пути должны были вести в светлую Россию будущего.

К ней и только к ней должны идти и мы, ибо история идет только вперед.

Любовно оглядываясь на наше великое дофевральское прошлое, отвергая то, что наступило после Октября, мы из Февраля берем его вечное и непреложное, из Октября — им обманно узурпированное, и грядущую революцию называем Национальной, т. е. всенародной и идейно-целостной.

Она должна нам дать и мирный труд, и справедливый социальный порядок, и возможность свободного служения высшим ценностям, в особенности же Той, чье имя неверующие не умеют вымолвить, а верующие называют Бог.

В. Васильев